

Посвящается моим родителям

От автора

Привет! Вы держите в руках книгу, новое переиздание которой появилось исключительно благодаря читательской любви.

Если вы знали и поддерживали эту историю в 2016–2018 годах, когда она только была создана и впервые опубликована, если вы не забывали о ней всё это время, несмотря на издательские сложности, оставляли добрые комментарии, рисовали фан-арты, писали фанфики, рассказывали о ней другим, то вы — большая часть этой тёмной самоцветной сказки, и я рада, что она вам отозвалась.

Если вы впервые встретились с «Годом Змея» сейчас, что ж, добро пожаловать в Князьки горы! Дорога до логова дракона неблизкая, поэтому устраивайтесь поудобнее — и вперёд.

Яна Лехина

Позабыв Золотую Орду,
Пёстрый грохот равнины китайской,
Змей крылатый в пустынном саду
Часто прятался полночью майской.

Николай Гумилёв

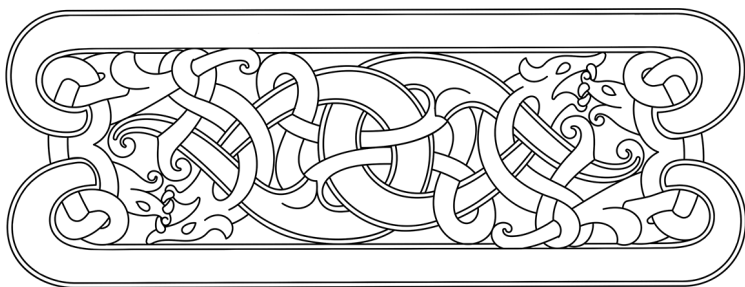
Пролог

Когда гремит гром, я думаю: это мой брат Рагне скачет на юг, чтобы сложить голову в битве против Сармата-дракона. Копыта его коня топчут дикие травы, а из боевого рога льётся страшный рёв. За его спиной — тысячи копий, но нет копья, способного пробить драконью чешую.

Когда падает снег, мне кажется, что это юный Ингол — тот из нас, кто умер первым, — идёт по горным перевалам. Он бос, но не чувствует холода. Он простирает к нам руки и просит оставить эту войну, ведь все мы — братья.

А когда с гор сходит каменная лавина, мне кажется, что это я раз за разом предаю единственного, кто мог одолеть Сармата, и преклоняю колени перед чудовищем.

Знаю, твоя свирель издаёт волшебные чистые звуки и заставляет людей повиноваться зову. Так играй. Каменное сердце не дрогнет, но, если смогу забыть своих братьев хотя бы на мгновение, я буду счастлив.

Песня перевала I

Они покидали Черногород на рассвете. Узкие облака находили друг на друга, напоминая дорожное перепутье или светло-серую паутину тумана, раскинувшуюся по всему небесному куполу. Птицы летали низко, прорезая крыльями стылое утреннее марево, а солнце казалось блюдом из потемневшей бронзы. Было хмуро и холодно. Дурной знак. Тогда Оркки Лис впервые заявил, что от этого похода добра не будет, и его, конечно, никто не послушал.

Уезжали на трёх крытых телегах. В первой лежали припасы для людей, идущих к Матерь-горе, во второй была дань, а в третью посадили драконью невесту и купленную для неё старуху-рабыню. Девушку вывели из Божьего терема, с головы до пят закутанную в бледно-лиловое покрывало, — Оркки и видел только полную фигуру да белые руки, за которые её вели две женщины. Провожатые пели и сыпали под ноги драконьей невесте крупу из плетёных корзин, и от их глубоких, звенящих голосов Оркки зябко поёжился.

— Ветер с северо-востока, — объяснил он, перехватив взгляд Тойву, предводителя похода. И поправил ворот мехового плаща. — Морозно.

Тойву кивнул и погладил шею мерно дышащего коня. Под Оркки же конь дрожал — нервно постукивал копытами, пока хозяин перебирал поводья и прищуренно наблюдал за драконьей невестой, ступавшей по рассыпанному зерну.

— Недобрый у тебя взгляд, Оркки Лис. — Тойву чуть улыбнулся из-под медно-рыжих усов. Его выдох повис прозрачной сизой дымкой. В ответ губы Оркки изогнулись, а пальцы сильнее сжали поводья.

Женщины, ведущие драконью невесту, создавали неземной звук. Их песня дробилась на многоголосое эхо и окутывала горные вершины, как саван — мертвеца. Эта песня была не то свадебная, не то поминальная. Горсти крупы ложились на мёрзлую землю: тронутая инеем трава, схваченные морозом цветы и осыпавшиеся ягоды рябины — провожатые разбрасывали зерно, будто засеивали поле, которое топтала драконья невеста. Она покачивалась, как ладья на волнах, послушно плыла по седой траве и красным ягодам, и женщины подле неё пели настолько звучно и страшно, что, не выдержав, Оркки отвернулся.

— Прогнать бы всех, — сплонул он, поглядывая на столпившихся зевак.

К Матерь-горе уходили не за ратным подвигом. В жены отдавали не княжну, а пастушью дочь, и не славному воину, а Сармату-дракону — тому, кто, заточённый в недра горы, спал тысячу лет и проснулся тридцать зим назад. Но люди, замкнув Божий терем в кольцо, шуршали кафтанам и юбками, платками и шапками, мехами и сукном, выпускали изо ртов голубоватый пар и пытались удержать вырывающихся вперёд детей. Хотя не было ни князя, ни оставшихся его дружинников — тех, что не пошли с Тойву. Князь понимал, что к Матерь-горе везут позорный откуп — мольбу о пощаде, и свои приказы отдал без лишних ушей.

Тойву поскрёб подбородок.

— Народу любопытно.

Конечно, любопытно. Может, это и бесславный путь, но опасный, а в телеге лежала богатая дань. Поэтому среди идущих к Матерь-горе не нашлось ни слабых, ни трусливых. Можно было любоваться и юркими, жилистыми людьми Оркки Лиса, и кряжистыми воинами Тойву — да и самим князьим дружинником, похожим на молодого медведя. Тойву носил закруглённую бороду и медно-рыжие волосы до лопаток, смотрел спокойно и рассудительно льдистыми

голубыми глазами. В росте — дуб, в плечах — косая сажень. У Оркки глаза были лисьи, карие. Хитроумные. И напоминал он не дуб, а гибкий тис.

Черногородцам хотелось посмотреть не только на спрятанную под покрывалом драконью невесту. У воительницы Совьон, высокой и крепкой, носящей кольчугу и шлем, на плече сидел приручённый ворон, а на правой скуле синел шаманский полумесяц. Высокогорница Та Ёхо, чьё племя жило в юртах на острых вершинах Княжьих гор, считала Черногород низиной сродни Пустоши. И даже горы для неё были не Князьи, а Айхаютам, Хребет Зверя.

Едва драконью невесту посадили в повозку, конь Оркки заржал и выпустил из ноздрей горячие струи воздуха.

— Велишь ехать?

— Велю, — кивнул Тойву. — Ну, с миром!..

Не будет никакого мира, чувствовал Оркки. Серая птица, пролетающая над Божьим теремом, рухнула в мёрзлую траву, и над ней взмыла перепуганная чёрная стая. В толпе жалобно провыл колченогий белый пёс. Провожатые драконьей невесты завершили свои песни отчаянными рыданиями и, вцепившись ногтями в лица, оставили на щеках кровавые бороздки царапин. А затем рухнули на замёрзшую рябину и рассыпанное зерно, запустив пальцы в холодную землю.

Оркки Лис вновь сплюнул и натянул поводья.

Черногород, окружённый пиками скал, стоял на мягком чернозёме в устье трёх рек. Это был запад Княжьих гор, колыбель династии Мариличей, правивших хоть и небольшими, но плодородными угодьями от южного Ядвигинога Щита до Мглистого Полога на северо-востоке. Не успел город скрыться из виду, как Совьон, стегнув одноглазого вороного коня, поравнялась с Тойву. Оркки Лис недовольно взглянул на птицу у неё на плече.

— Как начнём спускаться с холма, увидим Шестиликий столп. — Совьон всегда говорила одинаково размеренно, словно ничто не могло вывести её из себя. — Вёльхи поставили его в память о шести князнях, высланных в Белую Яму. Разреши девушке просить у него защиты.

Оркки ощерился:

— Потеряем время, а оно нам дорого. Неизвестно, обойдётся ли без обвалов.

Ворон на плече каркнул. Совьон, продолжая смотреть на хранившего молчание Тойву, обронила:

— И не стыдно тебе, Оркки Лис? Девушка сюда не вернётся.

Да, не вернётся. Никто не возвращался. Рабы, слуги, невесты — по рассказам, они жили у Сармата не больше года. Дураки-шаманы верили, что они кончали с собой из-за проклятия Матерь-горы или их убивали каменные воины, про которых говорили сумасшедшие беженцы из сожжённых деревень. А Оркки, как и все здравомыслящие люди, понимал, что в этом вина только чешуйчатой твари.

Просить защиты? Зачем? Ничто не защитит сокровища от Сармата. Девка, наверное, надеялась поразить ящера храбростью и красотой, но каких красавиц ни отдавали княжества за последние тридцать лет — все погибли. Если черногородская невеста и была чудо как хороша, то Оркки этого не знал. Он не видел её лица.

Не стыдно ли ему? Лисьи глаза налились кровью. Совьон младше его, к тому же баба, а смотрела мимо и говорила так, что подобное Оркки спустил бы лишь Тойву. Язык мгновенно присох к небу. Но, хвала богам, Оркки Лис был хитёр и осторожен, а не скор на расправу.

Прочистив горло, он обратился к предводителю:

— Неоправданная остановка, и мало того что пустая трата времени — девка наверняка захочет бежать.

Тойву резко качнул головой и возразил:

— Эта не сбежит.

Ворон на плече Совьон каркнул дважды.

— Не успели тронуться, а уже останавливаемся. Плохая примета.

— Примета! — Совьон подняла к небу глаза — синие, как полумесяц на скуле. — А я думала, что я суеверна, Оркки Лис.

Тойву взмахнул ладонью.

— Телеги останавливать не будем, — сказал он Совьон, — но раз женщины считают столп оберегом, я не могу лишить девушку его защиты. Возьми её к себе на коня и поезжай быстрее нас.

— Попытается улизнуть...

Тойву повернулся и смерил Оркки тяжёлым, многозначительным взглядом.

— Не попытается.

Раз Тойву решил так, значит, никакой опасности не грозило. Но Совьон он отпустил, только когда смог самолично разглядеть Шестиликий столп, а Оркки, не доверяя, двинулся следом за воительницей. И увидел, как из повозки выглянула драконья невеста — лиловое покрывало соскользнуло ей на плечи.

Оркки не назвал бы её красивой: чересчур полная, с тёмно-русскими косицами, переброшенными на грудь. Местами на её щеках, шее и пальцах белая кожа трескалась и шла розово-красной коростой — от мороза. Но всё это Оркки заметил потом. Сначала были молочного цвета глаза без зрачков и прожилок, заволоченные мутноватой кипенной дымкой.

Бельма.

Сердце Оркки Лиса болезненно сжалось.

Он не помнил, как, ударив коня пятками, воротился к Тойву, как потемнел от гнева, скривился от ужаса и хотел было взреветь, словно дикий зверь. Но многолетняя выдержка не позволила ему это сделать — люди бы встревожились. Он рванул поводья, приблизил лицо к лицу Тойву и зашипел, брызжа слюной:

— Слепая! Мы, дери тебя твари небесные, везём Сармату слепую! — Он чудом не сгрёб его за шкуру. Но сейчас Тойву не его друг, а глава отряда, и дело бы не кончилось обычной дракой. — Бельмяноглазую невесту, калеку, которая... Как ты допустил такое?

Он мог бы догадаться, что девушка не была так проста. Мог бы, но Тойву, продолжая смотреть рассудительно и спокойно, не торопился оправдываться и тем привёл его в настоящее бешенство.

Орчки Лис захохотал свистяще, горлом.

— Птицы, собаки, женщины... За кем я сегодня не наблюдал. А у нас в телеге слепая, которую мы отдадим Сармату, не успеет начаться зима. Дракон ничего от нас не оставит, ничего, всех перемелет, всех сожжёт. — Смех его стал страшен и тих, и слышал его один Тойву. — Да помилуют нас боги. Их щедростью Сармат сам окажется слепым — или простит такой плевков в свою сторону.

«Но казнил он и за меньшее».

— Ты закончил? — Тойву откашлялся. — Её счастье, что она слепа. В чертогах Матерь-горы весь свет — из Сарматовой глотки.

— Плевать мне на её счастье. Я еду не ради девок, а ради Черногорода, — чтобы не сорваться на рык, Орчки закусил костяшки пальцев. — Значит, слушай. Скажу своим молодцам, и они умыкнут чью-нибудь смазливую дочурку из первой захолустной деревушки, и...

— Не смей, — отчеканил Тойву. И добавил беззлобно, но решительно: — Если поступишь по-своему, убью.

Над ними распростёрлось бесконечно высокое небо, перетянутое нитями облаков. Позади — Черногород, впереди — долгие вёрсты опасного, долгого пути. Но тяжесть отвалила от души Орчки, и он, засмеявшись, погладил остроконечную пшеничную бородку. Он знал, что делать, хотя убедил Тойву в обратном.

— Поглядите-ка, — по-медвежьки проворчал предводитель. — Смешно ему. Ничего и знать не знает, а смеётся.

«Не убьёшь ты меня, Тойву, — подумал Орчки Лис. — Все Князьи горы за твоей спиной переверну, а не убьёшь».

Две женщины скакали на одноглазом коне к легендарному Шестиликому столпу, и ворон кружил над их головами.

Рацлава поняла, что в Божьем тереме её опоили маковым молоком — чтобы не начала вырываться и рыдать. Своё тело она ощущала смутно, будто чужое, и все запахи и звуки протекали мимо неё так медленно, что, казалось, она могла задержать их между пальцами. Шестиликий столп пах смолой и железом, тонкими цветами, проросшими сквозь древесную кору. Горячее сердце в груди вороньей женщины стучало в такт птичьему крику. Конь рыхлил землю, отдающую талой водой и хрупкими пожухлыми листьями, готовыми расслоиться в руках.

Пальцы Рацлавы скользили по шершавому столпу, обводили вырезанные лица шести княжон: щёки, губы, кольца кос, выпуклые глаза. Поглаживали расщелины, из которых вились цветы, и осторожно сбивали налёт инея.

— Ты знаешь эту историю? — ровно спросила воронья женщина. Затылком Рацлава ощущала её тяжёлый взгляд, похожий на нависший над ней боевой молот. Она бы никогда от такой не сбежала. И никакая сила не смогла бы её выкрасть. Драконья невеста, Сарматово сокровище — Рацлава не знала, что с холмового спуска Шестиликий столп виден как на ладони. Случись что, предводитель, хитрый человек, и их люди метнулись бы к девушке быстрее ветра.

— Шесть сестёр-княжон, рождённые одной матерью от разных отцов, убили своих нежеланных женихов в ночь после свадебного пира. За это их выслали из Черногорода и заживо закопали в Белой Яме. — Голос Рацлавы даже не дрогнул — из-за макового молока. — А княгиня поседела от горя и стала первой вельхой-колдуньей.

Вельхи знали травы и зелья, крали младенцев и гадали на костях, жили триста зим на глухих отшибах. Когда они умирали, люди закапывали их подальше от деревень и рек, а сердца отдавали зверям. Колдовства вельхи боялись не только такие суеверные воины, как Оркки Лис. Все верили, что если вельха дотронется до оружия, то следующий бой станет последним.

— Верно, — согласилась за её спиной воронья женщина. Позже она назовёт своё имя. А ещё позже Рацлаве расскажут, что история Совьон давно обросла легендами.

Никто не знал, откуда она пришла и зачем — только то, что как-то вечером она появилась в Медвежьем зале и положила свой меч под ноги черногородскому князю. Неизвестно, что было дальше. Одни говорили, её заставили сразиться с огромным горным медведем, похожим на того, что скалился со знамён Мариличей. Другие — ей велели дать бой дружинникам, и Совьон одолела всех, кроме княжьего любимца Тойву.

— Нам следует поторопиться.

Рацлава выдохнула и отвернулась от Шестиликого столпа. Потёрла костяшки пальцев и закуталась в мягкое покрывало — она никогда не касалась такой дорогой ткани. И у неё никогда не было таких платьев — расшитых тонкими нитями, с рядом пуговиц от груди до подола, с длинными, почти до самой земли рукавами. Не было и украшений, которые дороже приданого всех её сестёр.

Совьон шагнула к Рацлаве, но замерла прежде, чем взяла её за руку. Она неосознанно потянулась и дотронулась пальцами до костяной свирели, висевшей у той на кожаном шнурке. И тут же спохватилась.

— Извини. — Совьон сжала пальцы в кулак. — Это твоя вещь? Она очень... необычная.

Рацлава вздрогнула бы меньше, если бы Совьон раскрыла ей грудь и вытащила сердце. Не помогло даже маковое молоко: ладони взмокли, а в горле застрял шершавый ком.

— Моя, — выдавила Рацлава. — Единственное, что мне оставили.

Совьон подсаживала её на большого хрипящего коня, а Рацлава, пусто глядя в заволоченную туманом даль, не понимала, почему кожа воительницы показалась ей холодной, словно железо.

— До меня доходил слух, что черногородскому воеводе понравилась твоя игра на свирели, — уронила Совьон, ставя ногу в стремя. Рацлава тут же вцепилась в холку грозного вороного. — Видимо, это было правдой.

...Чего пастушья дочь боится больше, чем дракона?

Трудно было найти коня быстрее и выносливей, чем страшный, с отрезанными губами, верный спутник Совьон.

Он легко, будто не чувствуя на себе никакой ноши, взобрался на холм, к каравану из повозок и вьючных лошадей — они были нужны не только на случай, если чья-то лошадь охромеет. В горах телега могла сойти с пути и сорваться в пропасть. Её могло накрыть обвалом. Припасы не стоило держать в одном месте — и так же Оркки Лис думал о сокровищах.

Ещё в Черногороде Тойву пригрозил отрубить пальцы всякому, кто рискнёт прикоснуться к драгоценностям. Но на первой ночной остановке Оркки Лис залезет в телегу и перенесёт часть дани в тюки с едой. Тойву, конечно, узнает об этом следующим утром. И Оркки, конечно, останется с целыми пальцами.

Драконью невесту вернули в её повозку, к старухе-рабыне из Пустоши, и предводитель удовлетворённо кивнул Совьон. Та задумчиво сжимала и разжимала ладонь, а её вороной конь фыркал и опускал тяжёлые копыта на тонкие, местами пожелтевшие травинки и затвердевшую землю.

— Кто она такая?

— Дочь Вельша с Мглистого Полога. — Тойву, подбоченясь, смотрел вдаль. Тем временем Оркки отстал от него, чтобы ехать ровень со своими людьми, и Совьон воспользовалась случаем.

— Что за Вельш?

— Пастух, женившийся на дочке мельника. Он сильно задолжал кому-то в Черногороде — его сыновья приехали расплачиваться и взяли Рацлаву с собой.

Придерживая поводья одной рукой, Совьон погладила клюв беспокойно трепыхнувшегося ворона.

— Зачем её увезли так далеко от дома? Она же слепа.

— Слепа, — согласился Тойву. — Говорят, она то ли родилась такой, то ли сильно заболела, ещё в младенчестве, и потеряла зрение. А дело было в голодную зиму. — На этих словах Совьон прикрыла глаза. — Мать отнесла её в лес, и — нет, не спрашивай меня, почему она выжила. Никто не знает. Девки при княгине щебечут, что к порогу её принесли волки. А Оркки настаивает, что не выдержал кто-то из её семьи.

— Ты не ответил на вопрос, — оправившись, спокойно заметила Совьон. — Зачем братья привезли её в Черногород?

Тойву вздохнул и запустил пальцы в гнедую конскую гриву.

— Тот купец, которому задолжал пастух с Мглистого Полога... Пошли слухи. О том, что в его доме живёт девушка и из её свирели песнь льётся как из соловьиного горла.

— Купец простил Вельшу долг?

— Доплатил, и Радава осталась жить у него.

Совьон вскинула широкую рассечённую бровь, хотя и не выглядела слишком удивлённой.

— Её братья были рады.

— О да. — Тойву похлопал коня по шее. — Ведь они этого и добивались. Позже наш старый, закалённый в боях воевода пустил слезу, слушая её. И я тоже её слышал — за ночь до того, как девушка вошла в Божий терем.

Совьон выжидающе смотрела на него, и предводитель невесело рассмеялся.

— Я, — Тойву облизнул губы, — остался разочарован. Красиво, но не настолько, чтобы сойти с ума. Уверен, в одном только Черногородском княжестве можно найти сотню куда более искусных пастушков. — Он криво улыбнулся и продолжил вкрадчивым полушёпотом: — Так скажи мне, Совьон, кого мы везём Сармату? Одарённую деву или ведьму?

Повисло молчание, и наконец Совьон покачала головой.

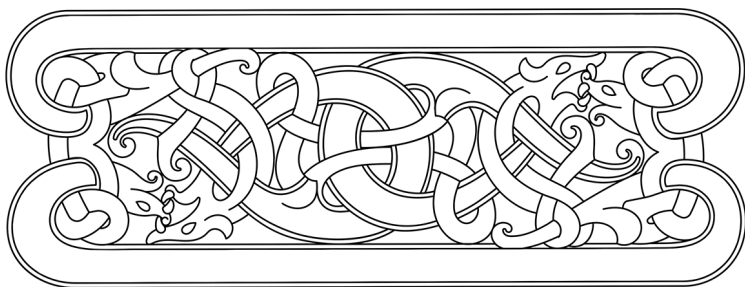
— Я не знаю, — ответила она. — Я не знаю... Драконья невеста не ведьма и, похоже, не слишком одарена, но...

Снова — молчание, которое нарушали лишь скрип мёрзлой почвы под копытами и колёсами да разговоры за спиной.

— Ладно. — Тойву уверенно повёл плечами. — Кем бы она ни была, к зиме она окажется в чертогах Сармата, и пусть боги решают её судьбу.

— Пусть боги решают, — согласилась Совьон и вскинула лицо к небу.

Белёсый луч солнца мазнула её по синему полумесяцу на скуле.

Песня перевала II

Рацлава сидела в повозке, когда её пальцы снова начали кровоточить. Прежде чем она поняла это, испачкала платье на коленях — багряные, княжьего цвета капли растеклись по витиеватому узору, вышитому серебряными нитями, хотя Рацлава не видела ни багрянца, ни серебра. Раньше её одежды часто бывали в крови, и сестры говорили, что даже на выстиранных юбках и рукавах оставались побледневшие алые пятна.

— Матушка. — Она провела рукой над бровями, будто пыталась скинуть невидимую пелену. — Пожалуйста, помоги мне.

Старуха делила с ней повозку и обзывалась исполнять любую её прихоть. Жилистая, желтокожая, как и многие жители Пустоши, Хавтора, дочь Ошуна, заплетала седые и жёсткие, словно проволока, волосы в два пучка на затылке и прятала их под шерстяным шафранным покрывалом. Её сухие руки покрывали веточки красных татуировок, а шею окольцовывал широкий рабский ошейник.

— Вих шарлоо, — промурлыкала она, поглаживая пальцы Рацлавы. — Я позабочусь о тебе.

Любая красавица ужаснулась бы, если бы только увидела ладони драконьей невесты. На них не было ни следа трудовых мозолей, но кипенно-белая кожа плохо переносила мороз, краснела и лопалась, застывая на костяшках розо-

ватой коркой. К тому же по пальцам тянулись неизвестно откуда взявшиеся шрамы и плохо зажившие борозды ран, тонких, будто оставленных лезвием ножа. Они схватывались новой кожей и тут же открывались снова.

— Халь фаргальд, — покачала головой Хавтора, переживая пальцы тканевыми лоскутками. — Кто порезал тебя, ширь а Сарамат?

Старуху не трогало ни то, что её подопечная ничего не видела, ни то, что она принадлежала к народам Княжьих гор — их в степной низине считали захватчиками. Рацлаву назвали невестой Сармата-дракона, и за это Хавтора была готова целовать её искалеченные руки и исполнять любой приказ.

— Меня никто не резал, — отозвалась Рацлава.

Отпустив ладони, Хавтора дотронулась до красно-розовой коросты у неё на лице.

— Это от холода, верно, ширь а Сарамат? Ну ничего, ничего... Дыхание твоего господина жарче пламени подгорных плавилен. Он согреет тебя. — Старуха тихо засмеялась. — Сколько тебе лет? Шестнадцать? Семнадцать?

— Девятнадцать.

— Ты засиделась в девушках. — Жёлтые пальцы потрещали круглую белую щеку Рацлавы. — Но теперь ты станешь хозяйкой Гудуш-горы, Матерь-горы по-вашему, и все подземные народы будут кланяться тебе и рассыпать перед тобой невиданные богатства. — Она устроилась на подушках напротив Рацлавы и, скрестив ноги в коричневых шароварах, подпёрла подбородок кулаком. — Возможно, ты даже встретишь Чхве, искуснейшего кузнеца, который ростом в полчеловека. Что он выкует для тебя? Ожерелье из огней чрева горы? Корону из обломков великанских пальцев?

— Глаза, — обронила Рацлава, и свет, просочившийся в окно повозки, тускло сверкнул на её молочных бельмах.

Не успело зайти солнце, как случилась первая неприятность. Мерно покачивающаяся телега драконьей невесты подпрыгнула, противно заскрипела и накренилась — камень, прокатившийся под копытами лошади, попал в ко-

лесо. От неожиданности Рацлава не смогла удержаться, и её резко повело в сторону. Она ударилась о стену повозки и разбила себе подбородок.

— Нарьян, пёсий ты сын! — взревел где-то обычно сдержанный Оркки Лис, и из его рта полился поток отборной черногородской брани. — Тойву, всыпь этому вымеску тридцать плетей, и раз он не может усидеть на вожжах, то пусть идёт пешком!

— Хая адук, — зашептала Хавтора, обнимая Рацлаву за шею. — Жинго-ка, ширь а Сарамат?

Спрашивала, цела ли она.

Рацлава понимала, что всё — дорогие одежды и забота старухи с Пустоши — досталось не именно ей, а случайной девушке, отданной Сармату на растерзание. Однако она не раздражалась и не дерзила, бережно носила платья и украшения и вежливо говорила с Хавторой — но только не в этот раз. Не успев вытереть кровь с подбородка, Рацлава грубо отпихнула кинувшуюся к ней рабыню.

— Прочь, — зашипела она, и её полное лицо сделалось страшным.

Она судорожно захлопала себя по горлу, как будто ей не хватало воздуха. Дрожащими пальцами подцепила кожаный шнурок, спустилась по нему вниз и с невероятной осторожностью ошупала подвешенную на нём длинную свирель.

— Слава богам, — слабо выдохнула Рацлава.

В повозку заглянула женщина.

— Как ты, Раслейв? — весело спросила она с говором не жителей Пустошей, а воинов высокогорий. — Не слишком испугаться?

На Рацлаве лица не было. Она сжала в кулаке кожаный шнурок, и только тогда на её щёки начала возвращаться краска. С ней бы ничего не случилось от удара и крепких объятий рабыни, а свирель могла переломиться напополам.

— Все обошлось. — Рацлава повернулась к окну. — Спасибо. Кто ты?

— Меня звать Та Ёхо, — улыбнулась молодая женщина с широким скуластым лицом, узкими глазами и приплюс-

нутым носом. Кожа у Та Ёхо была смуглая, но коричневая, а не жёлтая, как у Хавторы. Испокон веков её народ жил на смертельной высоте, почти под самым солнцем, где загар приставал быстро. Та Ёхо носила подбитые мехом куртку и штаны, ездила на крепкой, но до того маленькой мохнатой лошадке, что та напоминала помесь кобылы с пони. И если бы Рацлава могла видеть, то очень удивилась бы, что Та Ёхо обходилась без седла, а её лошадь не имела удила.

В деревнях из юрт на вершинах Айхаютама Та Ёхо считали красавицей за то, что она была невысока ростом, но сильна, и за то, что редкий воин стрелял из лука лучше её. Но в княжествах мало кто восхищался её чёрными, жидковатыми волосами до плеч и весёлой кривозубой улыбкой. Хотя для неё это ничего не значило.

— Скоро они починить твою телегу, Раслейв, и мы продолжить путь. Не нужно бояться.

Рацлава улыбнулась и заправила за ухо выбившуюся тёмно-русую прядь.

— Спасибо, — повторила она, а Та Ёхо наклонилась к мохнатой лошадке, тут же перешедшей на бодрую рысцу.

Телегу мужчины починили довольно быстро — Рацлава даже не успела замёрзнуть, стоя со своей рабыней под вечереющим небом. Расшитое покрывало сползло ниже затылка и едва прикрывало волосы. Вскинув голову, Рацлава пусто смотрела наверх, где в сгустившейся сизой вышине зажигались бесцветные звёзды, похожие на кусочки слюды. Хавтора, за годы рабства привыкшая к любой грубости, давила башмаками хрустевшую землю и мурлыкала себе под нос песню: «Было у старого хана пятеро сыновей».

Пошёл снег. Резные пластинки снежинок, хрупкие, узорчатые, будто выпавшие из-под рук талантливой мастерицы, закружились под первыми звёздами. Окутанные нежным серебристым светом, они падали на землю. Рацлава чувствовала их кожей и восхищённо глядела куда-то сквозь прорезавшуюся луну, сжимая пальцами кончик костяной свирели. На белых лоскутках проступала кровь. В тот день Рацлава, как никогда, хотела сбежать — не зная ни богатств, ни Сармата, остаться жить в глухой землянке,

затерявшейся на склонах Княжьих гор. Если свирель — это её игла, она выткет себе волшебную-тихую жизнь.

— Какая будет ночь! — восхитилась Хавтора, и её голос стал жарким. — Однажды, под такой же луной, мне пришлось, гар ину, как Сарамат-змея пролетал над Гуратом, городом наших мёртвых ханов. Давным-давно княжьи люди забрали Гурат-град себе, и Сарамат-змея вернулся, чтобы поквитаться с ними. Солнце стекало по его медному панцирю, а из исполинского горла выходил огонь.

Рацлава могла считать себя воровкой, лгуньей и калеккой, но не душой, решившейся на безумный побег. Хитрый человек, Оркки Лис, сидел на коне за её спиной — и наверняка не сводил глаз.

— У-у, ведьма, — желчно выплюнул он, а Хавтора залилась истеричным хохотом.

Первого ханского сына звали Кагардаш, и он слыл мудрым и справедливым воином. Второго — Янхара, и был он немногословен и силён. А третьего звали Сарамат...

Хавтора ещё долго пела эту песню — легенду Княжьих гор, переложенную на манер степной Пустоши. Она пела и пела, пока телеги не остановились на ночную ставку, а Рацлава слушала её и слепо смотрела в задёрнутое окно.

...и не было человека хитрее его. Четвёртый ханский сын носил имя Родук, и это означало «гордый». Пятого, блаженного, звали Игола.

— Вы чтите Сармата как бога, — сказала Рацлава, подтянув колено к подбородку. — Почему? Он жаден и жесток. Он сжигал людей и леса, города и деревни, если ему не могли заплатить откуп.

— О, гар ширь а Сарамат, — засмеялась Хавтора. — Он жесток, но и велик. Он — человек, сумевший обрести бессмертное обличье. Его кожа — медные пластины, что прочнее любых кольчуг. Его когти — копыя, его зубы — скалы. Его позвоночник — горный хребет.

— Был и другой дракон. Почему бы вам не поклоняться ему?

Губы Хавторы сжались в тонкую линию.

— Ты заблуждаешься. Не было никого, кроме Сарамата-змея. Кагардаш оказался слаб и умер прежде, чем волхвы окунули его в огонь. Остальное — сказки.

— Некоторые считают сказкой и превращение Сармата в дракона, — заметила Рацлава. — Они верят, что земное чрево породило его чудовищем, не человеком.

— Какая глупость, — ошетибилась Хавтора. — Все знают, что Сарамат-змей возвращается в человеческое тело четыре раза в год. На сутки, когда наступают осеннее и весеннее равноденствия, на два дня — в зимний солнцеворот, на три — в летний. Люди слабы и хрупки, и все семь дней Сарамата сторожит его брат, Янхара-хайналь...

— Ярхо-предатель.

— ...предводитель каменных воинов. Грозный, молчаливый, облачённый в горную породу силой Сарамата.

Рацлава отвернулась от Хавторы и покрепче обняла свои колени. Большим пальцем она поглаживала свирель — придёт время, она сыграет и эту песню.

Было у старого князя пятеро сыновей. Первый, Хьялма, — мудрый и справедливый. Второй, Ярхо, — нелюдимый и тяжёлый лицом. Сильнее всех князь любил Хьялму, а вот сердце его княгини принадлежало буйному хитрому Сармату, грезящему о величии и славе. Умирая, отец поделил земли между пятью сыновьями, отдав Хьялме самые обширные и плодородные угодья, и братья признали его главенство — за ум и рассудительность. Все, кроме одного. Того, кто из жажды власти начал страшную войну.

Не успели замолкнуть колокола, отзвонившие поминальную по старому князю, как гонец положил к ногам Хьялмы топор Сармата.

Рати мятежного брата встали на востоке. Горько плакала княгиня, умоляя Хьялму не губить её любимого сына — а Хьялма был силен. Люди уважали его и не раздумывая отдали бы свои жизни за господина. Позже так оно и вышло. Все погибли. Но сначала младший, Ингол, вызвался образумить Сармата. Он пришёл к нему один, не взяв ни щита, ни меча, не надев кольчуги. Долго и вдохновенно говорил он, что война между братьями — великое горе, и его кроткие

глаза юродивого были влажны от слёз. Сармат засмеялся, потрепал его по белёсым кудрям — и ослепил.

Через месяц Ингол умер в подземельях Сарматовой крепости. А потом войска Хьялмы, Ярхо и юного гордого Рагне взяли её штурмом. Хьялма вызвал брата на бой и победил — однажды Рацлава слышала, как её свирель играла песню об этом поединке. Она заливалась в чужих руках, куда более искусных, чем у неё. Хрустальные звуки складывались в цветное полотно, хотя Рацлава не различала цветов. Но она знала, что кольчуга статного воина — Хьялмы — мерцала холодным серебром, а волосы юноши, приникшего к его ногам и запросившего пощады, были как тёплая медь, жаркое солнце и горячая кровь.

Восстание Сармата было обречено на провал с самого начала, и, говорят, умирая в подземельях крепости, слепой Ингол окончательно потерял рассудок. День и ночь он обращался к Хьялме и просил его помиловать мятежника. Когда брали стены, княгиня-мать выплакала себе глаза и поседела наполовину. Если верить легенде, она приехала в лагерь и бросилась на колени перед старшим сыном — и в тот раз, у разрушенной крепости, Хьялма не убил Сармата.

Позже он горько пожалел об этом.

После поединка Ярхо был мрачен, Рагне — зол, Хьялма — сосредоточен и угрюм. Как ни пытался Сармат заговорить братьев весёлыми речами, ничего у него не вышло. Его помиловали, но не простили и по приказу Хьялмы заковали в цепи и заточили в каменную башню в ущелье.

Здесь история могла бы закончиться, и мир никогда бы не узнал людей, превращённых в драконов. Но — нет.

Шло время, и не было нигде князя мудрее и любимее, чем Хьялма. При жизни о нём слагали легенды, а его слова переходили из уст в уста. Но лишь немногие из его близких знали, что Хьялма был давно, с детства, тяжело болен: он кашлял кровью, и год от года ему становилось всё хуже и хуже. И однажды к нему пришли могущественные колдуны, волхвы с вершин гор, и, наслышанные о его силе и мудрости, принесли ему великий дар. Они собирались дать ему бессмертие: кожу прочнее кольчуг, когти острее копий,

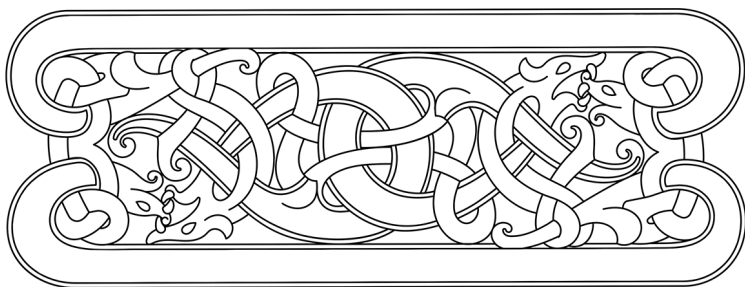
позвоночник твёрже каменного хребта. Они сказали, что нужно сделать, и, кроме Хьялмы, этот разговор слышали только его братья, Рагне и Ярхо.

Ярхо-предатель... Никто не знал, когда он начал завидовать великому князю и когда решился пойти на измену. Устав быть в его тени, он отправился в ущелье. На пути его трижды останавливал гром. За три ночи он потерял трёх коней — но не внял предупреждениям богов и, одолев стражу, перерубил цепи и освободил Сармата, рассказав ему о волхвах.

И тогда полилась кровь. Реки крови, окрасившей горы, землю и небо в багряный, княжий цвет. И с тех самых пор свет не видел битв чудовищней.

...Придёт время, Рацлава сыграет и эту песню. А пока телеги ехали на восток и ветры завывали под звёздами.

Зов крови I

Из их деревни было видно, как дотлевали шпильи древнего Гурат-града. Над оплавившимися куполами, красными с позолотой, курился чёрный дым. Воздух был душный и прелый, и сухой нёс по степи комки травы и запах гари. Слезящиеся глаза Кригги заливал пот, но она ничего не могла поделать; одно движение — и верёвки сильнее впились во взмокшую кожу.

Кригга рвано выдохнула и облизнула потрескавшиеся губы. Она почти ничего не видела из-за пота и слёз. Под ней, привязанной к высокому деревянному столбу, расстилалась мутная жёлтая степь. Расплывчатый диск солнца пылал над мёртвым Гурат-градом. От жара горы, огибавшие Пустошь, растеклись и замерцали алым.

— Я стою под столбом во твоей земли, — горло свело судорогой, — охрани меня, матушка, и спаси. Я стою под столбом...

Каждый раз она сбивалась, начинала плакать и кашлять, но спустя мгновение продолжала снова надтреснутым, ломким голосом:

— ...во твоей земли. Сохрани меня и спаси. — Кригга дрожала, и верёвки оставляли ожоги на её грубо перетянутых руках. Под грудью давило, живот онемел от страха и боли. — Я стою под столбом во твоей земли...

Ей хотелось пить. А ещё — вывернуться и в последний раз взглянуть на свою деревню. Дары Сармату оставили далеко за частоколом — девицу и тюки с серебром и зерном. Узорные ткани, вытканые лучшими местными мастерицами. Глазурованные блюда, малахитовые шкатулки, нефритовые серьги, расшитые пояса — всё, что удалось собрать. Деревенский голова тряс каждый дом и вывернул собственные закрома, почти лишив приданого своих дочерей, но стоило ли? Говорят, в недрах Матерь-горы спрятаны сказочные сокровища. Что Сармату до их неказистой дани?

Гурат-град был богат и могущественен. Он мог откупиться сам и помочь окрестным деревням, в которых жили не тукеры, желтокожие кочевники Пустоши, а такие же княжки люди. Но не захотел. Думал, что выстоит и заживёт вольно. Гордый город защищали крепкие стены старинной твердыни князей и ханов. Полноводная река Ихлас несла к нему свои бирюзовые воды. Но Кригга не знала ночи страшнее, чем та, когда Сармат жёг Гурат. Мать, простоволосая и босая, рыдала и прижимала к груди младенца. Кригга, бросив сестёр в тесной горнице, причитала у ног старой бабки, уже не поднимавшейся с постели. А над Гурат-градом крутилось марево ослепительного кроваво-золотого пожара, крошился камень и ревела медная драконья глотка.

— Я стою под столбом во твоей земли, если можешь спасти меня, то спаси, если можешь спасти меня, то...

В деревне жили девушки куда красивее Кригги, более взрослые, налившиеся. С пригожими лицами, а не с таким, как у неё, по-мужицки широким подбородком. Но именно Кригга, уже вошедшая в возраст невест, вытащила из мешочка камень с красным крестом. И на неё надели холщовое платье и в четыре руки заплели светло-русую косу до колен.

Старая бабка, прощаясь, ухватила Криггу за длинные волосы.

— Хорошо загорится, — проскрежетала она, и её колючие глаза заволокло пеленой.

...Если Сармат не прилетит, дадут ли Кригге воды? Или так и оставят умирать на столбе, побоявшись выйти за чаштокол? Кригга жалобно взывала и попыталась вытереть плечом блестящую от пота щёку, усыпанную бесформенными кляксами веснушек. Спина у неё затекла, лопатки кололо. Позвоночник словно приварился к шершавому дереву.

И тогда на степь легла тень драконьего тела.

Кригга вскинула голову и отчаянно заморгала, пытаясь смахнуть с ресниц влагу. Она видела, как солнце отразилось на красной чешуе. Слышала, с каким звуком кожистые крылья распоролы стылый воздух. Кусочки сухой земли и клубки травы зашелестели и покатались, гонимые горячим потоком. Гадюки и полёвки забились в норы, дребезжаще вскрикнула пустельга. Кригга тоже закричала, но её голос утонул в утробном рычании дракона. Она похолодела, задёргалась и даже не заметила, что верёвки протёрли ей кожу до крови.

Дракон нырнул вниз и едва не коснулся брюхом пожухлого ковыля. Острый конец его медного крыла прорезал линию над сваленными тюками. Кригга рванулась вперёд, будто захотела скинуть путы, и из её беспомощно распахнутого рта потянулись нити слюны. Кригга крепко зажмурилась, прежде чем её обдало жаром, а Сармат-змея взмыл над столбом. Ей показалось, что его тело больше княжеского терема, а размах крыльев — шире любого дворища. Кригга тоненько взывала, не открывая глаз. Пятнистое от веснушек лицо резко побледнело.

Вокруг драконьей невесты кружился раскалённый воздух. Плясали белые мушки пылинок, на поникшие стебли струился свет. От пота и слёз ресницы Кригги окончательно слиплись, но во рту было страшно сухо, и теперь из горла доносился только рваный скулёж.

Раньше она никогда не теряла сознания. Но когда когти чудовища обхватили столб и сдавили её живот, когда с хрустом вывернули дерево из лопавшейся от зноя земли, Криггу обволокла удушливая спёртая темнота.

Последним, что она увидела, когда случайно открыла глаза, был дым над уменьшающейся деревней.

За одну невесту давали ненужное зерно и бесполезных коней, за вторую — золотые кубки и монеты. Но приданое гуратской княжны — целый город. Великий оплот древности. Весь, со своими куполами и инжирными садами, с сильными мужчинами и посмуглевшими от солнца женщинами. С их маленькими детьми, которых каменные воины поднимали на мечи.

Который день Малика Горбовна ходила по глубинным залам Матерь-горы. Высеченные из породы своды уходили высоко вверх — шаги отдавались гулким эхом. Малахитовые, мраморные, аметистовые палаты... Иногда княжне казалось, что Матерь-гора сама прокладывает ей путь. Двери появлялись сами по себе. Вымощенные полы выводили её то к пиршественному столу, то к сундукам с одеждой — как в первый раз. Малика давно потерялась во времени, потому что в горных недрах не было ни утра, ни ночи. Она плутала по тем местам, где ей позволяла Матерь-гора, и за этот срок не встретила ни одного живого существа.

В палатах были десятки вырубленных ниш, и в каждой — по каменному воину. Но гуратские захватчики двигались и говорили. Эти же — безмолвные изваяния с закрытыми глазами. Их потрескавшиеся ладони сжимали рукояти тяжёлых двуручных мечей, и как Малика ни старалась, она не могла сдвинуть ни пальца. Княжна долго изучала прочную кольчугу и трогала шершавые лица, но никто из воинов даже не шелохнулся. И тогда Малика шла дальше. Горные чертоги были сказочно, таинственно прекрасны: стены переливались в свете негаснущих лампад. В отполированных камнях Малика видела своё отражение — она в платье цвета киновари с длинным рядом пуговиц. Но в Гурате княжна носила одежду не хуже. И ни одни недра не могли сравниться с её городом.

С её мёртвым сожжённым городом.

Скоро она начала скучать. Малика не могла долго любоваться собой, даже несмотря на то, что была красива. Расцветшая, высокая, статная. Гладкая кожа, медовые волосы и отличительный для Горбовичей нос с горбинкой. Чёрные брови врзлёт, хотя это её несколько не портило.

Княжна исследовала ходы, которые открывала ей Матерь-гора. Перебирая вещи, оставленные для неё прихвостнями Сармата, нашла брошь в форме сокола — знак её рода, символ Гурат-града. Она заглядывала в лица каждому каменному воину, пытаясь узнать одного-единственного — Ярхо, их предводителя. Беспокойно дремала на холодных полах. И когда все занятия исчерпали себя, Матерь-гора смиловилась: Малика разглядела неприметную, обложенную кварцем дверцу, хотя твёрдо знала, что раньше из малахитовых палат был только один выход.

Дверца вывела её на узкую, круто закрученную лестничную спираль. Каждая ступень — обтёсанный гранит. Под ногами Малики мелькали вкрапления мрамора и скользкого кварца, тысячи пятнышек на множестве ступеней — княжна быстро сбилась со счёта, и виток за витком уводил её наверх. Под конец она подобрала юбки и зашагала, согнувшись от усталости. Новую дверь украшал цветной витражный круг с изображением крылатого змея — один кусочек, около хребта, откололся, и на его месте темнела дыра.

Комнатка была небольшая, с низким потолком и очень бедная по сравнению с самоцветными палатами. Освещали её свечи, а не резные лампы. Жужжала деревянная прялка, и на каменной скамье, устланной белым полотном, сидела старая вельха.

Вельха была низкорослая и дряблая, в неподпоясанном платье поверх длинной рубахи. Седые волосы выглядели из-под рогатой кички, подвески которой переливались мелким бисером. Малика знала, что кичка — убор замужних женщин. Как ведьма могла его носить? Княжна выпрямилась и прошла вглубь комнаты, постукивая башмачками, но вельха не обратила на неё никакого внимания. Она продолжала пряхть, нащёптывая незнакомые слова и обнажая

гнилые зубы. Колесо прялки мерно поскрипывало. В растянутых мочках старухи поблёскивали кодовские лунные камни.

— Послушай, ведьма, — княжна вскинула голову, — где здесь ещё живые?

Она так соскучилась по человеческому голосу, что стерпела бы даже вельху. Но та не ответила. Не оторвалась от нитей и не прервала потока странных слов. Малика не боялась сглаза — ей казалось, после пожара в Гурате она не боялась ничего. Молчание ведьмы вывело её из себя, а княжна держала лицо даже тогда, когда хотела оставить от чертогов лишь малахитовые и опаловые осколки, — поступить с домом Сармата так же, как он с её.

Это была последняя капля.

— Ты что, глухая? Отвечай, если я с тобой говорю.

Вертелось колесо вельхи, ползла пряжа.

— Мерзкая жаба, — ноздри Малики расширились. Княжна шагнула к прялке, но не отшвырнула её только из-за брезгливости — ведьминские вещи грязные. — Посмотри мне в лицо. Есть здесь кто живой, кроме тебя? Где Сармат? Где его брат-изменник? Я хочу их видеть.

Вельха и ухом не повела. По-прежнему крутила волокно, тянула нити и, бормоча, улыбалась пряже гнилым ртом.

Малика презрительно скривилась и отступила.

— Ты, наверное, страшно глупа. — Ведьма не подняла головы. — Годы выбили у тебя последние мозги, гнусное отродье. Что ж, оставайся здесь и мри в одиночестве.

Она уже собралась уходить, но напоследок вздёрнула породистый нос и выплюнула:

— Да что ты там всё прядёшь?

И тогда вельха гадко захихикала. От неожиданности Малика приподняла чёрные брови, а ведьма продолжила смеяться — грудь её затряслась.

— Она спрашивает, что я пряду, — сообщила она прялке, давась скрипящим, надрывным хохотом. Морщинистая шея заходила ходуном. — Она спрашивает, что я пряду!..

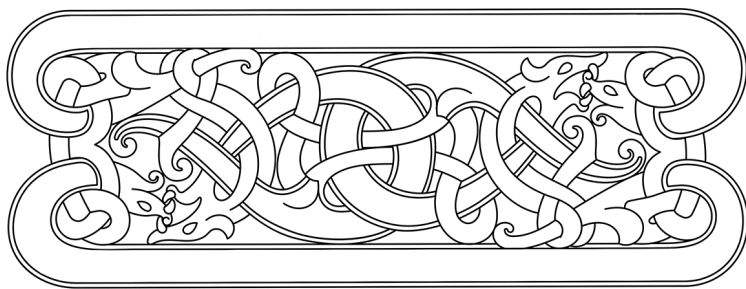
Два острых глаза впились в лицо Малики: один — жёлтый, второй — чёрный, без зрачка.

— Смерть твою, княжна.

Дрогнуло гордое лицо. Малика выдержала взгляд вельхи и ещё долго и холодно смотрела на неё, вновь принявшуюся за работу.

— Старая дура, — обронила она надменно. Развернулась на каблуках и вышла вон.

Песня перевала III

По лагерю тянулись десятки тяжёлых запахов: чад зажжённых костров и древесные смолы, жареное мясо; приречные цветы, конский пот, разбавленная брага и сырая земля. Запахи клубились вокруг Рацлавы, лезли в рот и нос... Как бочку с водой, уши драконьей невесты заливали звуки: треск поленьев, разговоры, стук ножа по ветке. Стрекот сверчков, кваканье лягушек и даже шелест камышей. «Мы ещё в княжестве, — поняла Рацлава. — Поэтому всё так спокойно».

Разложенный за ней походный шатёр, небольшой, но прочный, пах дорогой и пылью. Та Ёхо, сидевшая напротив, — корой и хлебом, Хавтора — чем-то кислым. От Совьон по-прежнему шёл запах стали и вязкого дыма с горькой полынью. Пугающий запах, тревожный. Воительница наконец-то шагнула вперёд и, скрестив ноги, села к их костерку — Рацлава услышала, что сейчас на её плече не было ворона.

— ...Это правда, гачи сур, высокогорница, что в твоём племени есть оборотни?

— А правда, что вы привязывать детей к колесам кибиток? — ответила Та Ёхо, и Хавтора склонила голову вбок. — Я в это не верить. А верить ли ты в наших оборотней?

— Нет, — резко ответила рабыня. — Небо знает только одного человека, способного взять себе чужое тело.

— Ну, это как смотреть, — развеселилась Та Ёхо. — Может, одного. А может, и нет. Кто знает?

— Разве в Пустоши нет шаманов, которые примеряют на себя кожу животных? — ровным, ничего не выражающим голосом спросила Совьон, и Хавтора неопределённо тряхнула головой.

— Некоторые из моего народа пытались переселить свою душу, но у них ничего не вышло. Некоторые пытаются до сих пор. Один лишь Сарамат-змея...

Рацава откашлялась и почти до груди натянула отрез плотной ткани, которым оборачивала ступни. Пламя костра, разожжённого перед их шатром, приятно постреливало в воздухе. Она потянулась к нему и повернулась туда, где должна была сидеть Та Ёхо.

— Вы поклоняетесь Сармату?

— И да, и нет. — Высокогорница пожала плечами и пригубила напиток из рога, обвитого едва заметной трещинкой. — Среди наших богов есть Молунцзе, красный дракон. А есть Тхигме, белый. Молунцзе — огонь, зло и кровь, а Тхигме — лёд, мудрость и вечная зима, лежащая на вершинах Айхаютама. Многие старейшины считают, что оба дракона — ипостаси одного бога. Единого, как цикл жизни.

Та Ёхо поставила рог на поджатые ноги.

— Насмешник и хитрец Молунцзе строить козни человеческому роду и сам обращаться человеком на полную луну. Раз за разом Тхигме, который возвращается в людское тело, когда хочет сам, мешать ему. Козни Молунцзе становятся всё страшнее и губительнее, но Тхигме помогать нам. Он исправляет их последствия. Предугадывать их. Убивать Молунцзе каждое новолетье, но тот возвращается снова.

— А что будет, если Тхигме не разгадает хитрость?

— Миру прийти конец, — улыбнулась Та Ёхо. — Это правильно, Раслейв. Однажды так и быть. Однажды, но не сейчас.

Совьон криво усмехнулась и посмотрела на синеющие в ночи горы, гнутые и острые, как зубцы короны.

— Подожди-ка, гачи сур, — возмутилась Хавтора, расправляя сухие и тонкие, словно у девушки, плечи. — Хочешь сказать, что этот ваш Тхагма — Кагардаш?

«Хьялма», — упрямо подумала Рацлава. Старший княжий сын, так почему ему дают такие странные имена? Хьял-ма, резкое, хлёсткое, будто удар кнута. Будто ожог, оставленный морозом.

— Богохульники! — взвизгнула Хавтора, а Та Ёхо широко заулыбалась и отпила из рога. — Кагардаш был слаб, и он умер человеком! А какие-то гачи сур посмели посчитать его ровней Сарамату! Да вы, бель гсар ади, юлду шат чира, неотёсанные, самонадеянные, и эта ваша вера...

— Знай своё место, рабыня. — Совьон положила тяжёлую ладонь на своё колено, оттопырив локоть. Грозно блеснули глаза. — Если ты ещё раз оскорбишь чужих богов, клянусь, я вырежу тебе язык.

Она была красива и внушительна, воронья женщина. Тонкий прямой нос, широкие брови, одна из которых — рассечённая. Густые волосы, заплетённые в нетугую косу — голову окутывал иссиня-чёрный ореол. И если бы Совьон не была так сильна и мужеподобна, многие воины сходили бы по ней с ума.

Осаженная Хавтора сторбилась, хотя мгновение спустя очертила зубы в лукавой улыбке.

— Так тому и быть. Но я думала, что ширь а Сарамат, драконьей невесте, мерзко слушать подобное.

Возможно, Сармат — человек, а возможно, вечно крылатый ящер. Но чем его считают слабее, тем Рацлаве легче.

— Ты ошиблась. — Она поправила длинный рукав платья, наполовину лежащий на подстилке. — Прости её, Та Ёхо.

Высокогорница и не думала обижаться. Она махнула рукой, свободной от рога, показывая, что тема исчерпана.

— Ссоры — не лучшая музыка для моих ушей, — заметила она. — Но если мы заговорить о музыке, Раслейв, я видеть свирель у тебя на груди. Ты не хочешь сыграть?

Рацлава готова была поклясться, что Совьон напряглась. Она даже задышала по-другому, одновременно глубоко и рвано. Мышцы под её рубахой затвердели, шея застыла. Но лицо — и Рацлава не знала об этом — осталось совершенно невозмутимым.

— Я бы с радостью, Та Ёхо, — Рацлава покачала головой, — но у меня болят пальцы. — Она провела ладонью, перевязанной лоскутками в засохших бурых пятнах.

Это правда. Музыка, которую она сыграла старому чернородскому воеводе, далась ей слишком тяжело.

— Мне очень жаль.

— Пустое, — отмахнулась Та Ёхо. — Сыграть когда-нибудь в другой раз. Лечить свои пальцы!

Усмешка тронула маленький пухлый рот Рацлавы.

— Хорошо. Вылечу.

Нет, её пальцы никогда не заживут. И боль никогда не уйдёт. Иногда она становилась такой сильной, а крови лилось так много, что Рацлава не могла держаться на ногах. Но придёт время, и она будет падать после более искусных песен, а потом перешагнёт и их.

— Чем же ты так сильно изрезала руки, Рацлава с Мглистого Полога? — Дыхание Совьон выровнялось, а голос напомнил упругое дребезжание железа. — Разве у тебя есть нож? Возможно, кто-то напал на тебя или лекари вскрыли тебе жилы?

В висках застучало. Рацлава медленно повела едва запёкшимся подбородком и выдавила ответ — он пришёл на ум раньше всего:

— Я упала.

Хавтора вскинула руки, округлила губы и закачала головой. Дай ей волю, она бы разразилась стенаниями.

— Наверное, в лесу? — подсказала старуха.

— В лесу, — ухватилась Рацлава, чувствуя, что Совьон ей ни капли не верит. — Распорола кожу о терновый куст.

Позже Рацлава поняла, что её ложь выглядела жалкой. Когда она пошла в лес? Зачем? Как её могли выпустить пристроенные к ней няньки? А ведь, судя по крови, это случилось совсем недавно.

— О терновый куст, — помолчав, повторила воительница. И сухо добавила: — Будь осторожнее.

Ветер сменился, и от Совьон так сильно дохнуло полынью, что Рацлава вздрогнула.

Место из её сна окружали льдистые фьорды. С мягкой травой на склонах и с водопадами, стелющимися по породе, как фата по стану юной невесты. Мглистый Полог, родина Рацлавы. Она, почему-то в своём роскошно-нежном платье с длинными рукавами, стояла на скале, обдуваемой холодными и пряными ветрами.

Во сне скала переходила в лес, из которого выступало сказочное дерево. Его кустистые ветви тянулись к бездонному небу, а в листве шумели птицы. Дерево цвело — лепестки розовые, словно рассвет. Белые, будто молоко. Жёлтые, как робкое весеннее солнце. И голубые, напоминающие едва сломанный лёд на ручье. Дерево смотрело на Рацлаву лицом могущественной женщины и не так, как глядел безжизненный Шестиликий столп. Это была древесная колдунья. Ветви — её руки. Перекрученные, уходящие в землю корни — обездвиженные ноги. В листве-рукавах чирикали птицы.

Рацлава боялась этого сна. Бледная и босая, она стояла на скале, и через пару шагов от неё на камень напал чернотём. Она попыталась вернуть себя в шатёр, где слышались пение цикад и чужое посапывание, но сон держал цепко.

— Кельхе... Отпусти меня, Кельхе..

Древесная колдунья, которая казалась ещё больше, чем была в настоящем, повела руками-ветвями. Птицы порхали над цветами и щёлкали клювами из густой кроны. Лубяные губы Кельхе распахнулись, а глаза — как хорошо, что Рацлава не видела её светло-серых, как талый снег, глаз — полоснули воздух, будто нож — плоть.

— Отдай, — зашипела листва. — Воз-зврати, воровка, то, что украда, воз-зврати.

— Без-здарность, — раздался клёкот в птичьих клювах. — Воровка, воровка! С-святотатс-ство, предательс-ство, из-змена...

Молчала одна Кельхе, плавно шевеля ветвистыми руками. Рацлава зажала уши, когда ветер, поднимаясь от корней, просвистел:

— С-свирель, с-свирель...

Сон отшвырнул её на несколько лет назад. Рацлава осязала седые, вплетённые в кору волосы древесной колдуньи, запах весенних цветов, реки под обрывом, несущие холодно-пряную воду к холму, где ходили стада пастуха Вельша. Чувствовала и кружевное оперение птиц Кельхе, прохладу их зрения и остроту голоса.

Мгновение — и сон сменил её платье на исподнюю рубаху, щекочущую лодыжки. Рацлава начала пятиться, спотыкаясь о камни, но не отнимая ладоней от ушей. К ней подлетели птицы и начали трепать её косы, вырывая из своего нутра: «Воровка! С-свирель!» Ветер лизал проросшие руки колдуньи.

И тогда Кельхе закричала.

Это был не визг женщин, в чьи дома зашли каменные воины. Не стон матерей, чьих детей сбрасывали со скал в заливы. Не плач вдов, не рёв сирот. Это был нечеловеческий, хрустально-пронзительный крик, от которого разбивались фьорды. Мучительный. Чудовищный. Предсмертный. Птицы рванулись к небу и скрылись в тумане. Кора на теле Кельхе начала лопаться и выворачиваться. Из порванных жил потёк древесный сок. Цветы облетели, и ветер швырнул Рацлаве мёртвые лепестки. Стиснув голову руками, она отступала и отступала, пока её нога не соскользнула в пропасть.

Рацлава падала со скалы медленно, в негаснущем дребезге последнего вопля.

Она очнулась на смятых простынях — рубаха задралась выше колен. В шатре пахло утренней сыростью, сладковатой росой, вчерашним костром и илистой рекой. Рацлава ждала свирель и, не отпуская её, сползла со шкур. На ощупь, запутавшись в чужой постели, перетрогав почти весь шатёр изнутри, чудом не наступив на Хавтору, она вышла наружу.

Это было раннее утро, многие ещё спали. На голубом небе стыли облака, веяло туманом и кристально чистым

сентябрьским морозцем. Пальцы Рацлавы свело жгучим желанием играть. Сейчас — и играть до горячей, солёной крови.

У входа сидела Совьон и точила кинжал.

— Здравствуй, — сказала Рацлава хрипловатым голосом. — Пожалуйста, отведи меня к реке.

Её босая ступня опустилась на мелкие приречные камешки, которыми был усыпан весь склон оврага. Придерживая подол, очень осторожно Рацлава начала спускаться. В какой-то момент она всё-таки оступилась и, прежде чем её подхватила Совьон, попыталась уцепиться рукой за откос. Но нащупала только всё те же камни, покотившиеся под её пальцами. Ладонь заныла: будет ещё одна ссадина, такая же, как на подбородке. Для слепой у Рацлавы слишком тонкая кожа.

Вода, лизнувшая её ноги, была обжигающе ледяной. Стиснув зубы, Рацлава двинулась вперёд. Совьон стояла на скате повыше её и наблюдала взглядом охотника. Рацлава не знала этого, но у неё проскользнула озорная мысль о побеге. Сколько шагов она сумеет сделать до того, как Совьон схватит её за косы? Два? Один?

Река уже плескалась у её бёдер. Рубаха намокла и отяжелела, и, потянув за кожаный шнурок, Рацлава подняла свирель. Пальцы свело знакомой болью. Рацлава давно разложила её на ощущения — это была сладкая, немеющая, бесконечная боль. Зажав одно отверстие указательным пальцем, она наполнила дыханием белую косточку, украшенную витиеватой резьбой, и над рекой потянулся первый звук.

Первая нить в полотне, которое она может выткать. Но Рацлава быстро поняла, что переоценила себя. Её руки до сих пор были слишком слабы, и наточенная, напряжённая, звенящая струна обнажённого звука повисла в тумане над

оврагом. Что Рацлава может с ней сделать? Заставить её надуть парус драккара? Или обернуть ей шею невесты, сидящей на пиру рядом с нелюбимым? Или превратить струну звука в колесо вѣльхи, прядущей судьбу? Тысячи нитей и сотни историй. Играй, играй!..

Липкие капли крови сорвались в воду.

Рацлава взяла второй звук, выше, чем первый и покачнулась вместе с речной волной. «Не смогу, — поняла она. — Не сейчас». Свирель выскользнула из пальцев, упруго отозвался шнурок. Два звука таяли над её головой. Так Рацлава и стояла по пояс в реке, по глади бежала рябь, и мягкие водоросли колыхались у её щиколоток. Зайти глубже, чтобы умыться, она не могла.

Когда затих последний звон, Совьон подала голос.

— Довольно, — отчеканила она. — Выходи, а не то окоченеешь.

Рацлава отошла назад и ухватилась пухлой, в расползшихся лоскутках ладонью за твёрдую, чуть шершавую руку воительницы. Та рывком выдернула её на берег. О свирели не сказала ни слова.

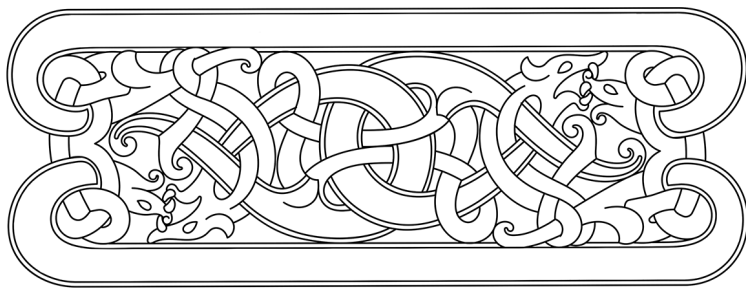
— Свежая кровь на пальцах, — зато процедила она. — Драконья невеста нашла терновый куст?

Рацлава промолчала — холод набросился на неё с новой силой. Тело скрутило, как в судороге. Губы и ногти мгновенно посинели, но Совьон расправила чёрный шерстяной плащ. Укрывая Рацлаву, воительница заметила, что из-за отяжелевшего подола рубаха оттянулась и обнажила кусочек спины. На белой коже розовели точки давно заросших шрамов. Это могли быть следы от веток в чаше, от случайно

подвернувшихся обточенных колышков; выправленный угол стола, острые щепы да даже чьи-то стрелы. Но Совьон, воронья женщина, узнала эти отметины. Она отличила бы их от любых других.

Ниже шеи Рацлаву били птичьи клювы.

Хмель и мёд 1

Позже Рацлава вспоминала, что это были лучшие дни пути. Караван ещё ехал вдоль черногородских рек и густых лесов: пахло хвоей и ежевикой, липой, сырой землёй. С Рацлавы сняли дорогое, неудобное в походе платье и нарядили в мягкую рубаху и тукерские шаровары — такие же, как у Хавторы. Только сшиты они были из тёплой северной шерсти и стоили дороже старой рабыни. Головное покрывало сменили на тонкий платок, спускавшийся ниже плеч, а поверх него надели округлую шапочку, понизу подшитую мехом. Но главное — пальцы Рацлавы зажали так, что она наконец-то смогла играть. Хотя сама предпочитала слово «ткать».

Весь мир для неё состоял из нитей. Нити леса, воды, запаха ежевики, конского топота... Они тянулись по воздуху, путались, тонко звенели — бери их, Рацлава, пропускай сквозь свирель и тки музыку. Но из самых нежных, горячих, певучих нитей-струн состояли люди. Рацлава не умела — пока не умела, как думала она сама, — ткать из людей. Кельхе — да. Она из любого человека вила верёвки, могла заставить его станцевать, утопиться, поджечь свой дом, положить к её корням сердце любимого. Сколько ходило сказок о таинственных певцах, способных завладеть человеческой волей, и все они были стары словно мир. Рацлава научится. Придёт день, и она научится, как научилась всему, что умеет сейчас.

Если не можешь вытянуть из человека струну, то хотя бы дотронься до неё. Пропусти сквозь пальцы, погладь, сожми. И человек поверит, будто играешь о нём, для него. Захочешь — засмеётся, захочешь — заплачет. Но Рацлава встречала разных людей, и нити у них были разные. Чтобы развеселить дочку землепашца, свирель забирала лишь несколько капель крови. Чтобы заставить рыдать старого воеводу, Рацлава изрезала себе все руки. А у некоторых людей струны были такие острые и жёсткие, что, казалось, приближся — и отсечёшь себе фалангу.

Но Рацлава научится. Так же, как научилась ткать из мышей и птиц. Более того — она умела раздвигать струны, из которых они состояли, и занимала их место.

Караван ехал мимо рек и лесов. Тело Рацлавы сидело в повозке и наигрывало тихую жуткую песню — Хавтора сказала, что она напоминает ей монотонную дробь степных барабанов. Но Рацлава не слышала. Её бельма закатились, окровавленные пальцы передвигались сами, а душа летела в теле дикой утки над людьми и телегами, вдоль запахов липы и хвои.

Благодаря таким полётам она лучше ощущала цвета, но зрение настоящее, полное зрение ей не давалось — *пока*. Однажды, Рацлава надеялась на это, она сможет целиком влиться в чужое тело. Подчинит себе кости, сухожилия, язык — и глаза. И, боги, великие её боги, она сможет видеть. Но сегодня Рацлава, соседствуя с душой утки, расправляла крылья на лентах запахов, скользила по восточному ветру и ныряла в воздушных потоках. И как же ей было хорошо!

Рацлава понимала, что после этого полёта она не сможет играть весь следующий день. Играть в полную силу — чтобы свирель резала её пальцы и пила тягучую кровь. Без жертв для Рацлавы не существовало настоящей, волшебной музыки: ярких полотнищ историй, чужих смеха и слёз. Она могла посвистывать, словно пастушонок на дудочке, и кожа её оставалась цела — так она играла за ночь до Божьего терема, и так она будет играть, если снова разрежет себе руки до мяса. Но это не то. Это не сила древесной колдуньи Кельхе и певцов древности.

Рацлава в теле утки не могла полностью управлять крыльями. Птичья душа теснилась где-то подле и ограничивала её простор. Ничего, ничего — сегодня она довольствовалась и этим. Но сердце Рацлавы сладко щемило при мысли, что когда-нибудь она сумеет упорхнуть к льдыстым морям и к пескам, что лежали на юге. Она оставит под собой другие обозы и отряды, идущие на войну, услышит незнакомую речь и впитает в себя сотни, нет, тысячи новых запахов. А сейчас Рацлава взмыла над верхушкой ели и, подчинившись утке, гортанно прокричала. Обогнула деревья и прочертила в высоте круг над караваном.

В средней повозке сидело её тело, мягкое, как пух, и белое, как молоко. Рядом ехали люди — для неё они были не больше кровавых подтёков на рукавах. Птичье тело лучше переносило сентябрьский морозец, и Рацлава совсем не ощущала холода. Воздух приятно всколыхнул узорные, бурые с рыжим перья, и душа утки испуганно зашевелилась — птица захотела вернуться к реке. «К реке так к реке», — согласилась Рацлава, но в это мгновение, спустившись ниже по ветру, она поймала две дорожки удивительных запахов. Они исходили от двух молодых мужчин, пустивших своих коней лихим бегом и опередивших весь караван.

От первого веяло мёдом и хмелем, лисьим мехом и осенней листвой. От второго — гнилой осокой и тленом. Будь у Рацлавы нос, а не клюв, она бы сморщилась. Её так заинтересовали эти запахи, что, пересилив душу утки, она нырнула вниз. Но, упустив птичье горло, ей пришлось прокричать во второй раз. Рацлава не понимала, что в руках у обоих мужчин были луки, и тот, что будто бы гнил изнутри, спустил тетиву.

Стрела пробила горячее птичье сердце. Кровь залила светлую грудку, а нутро разодрало кряканье — Рацлава поняла, что падает.

Когда она очнулась в своей повозке и в своём теле, то согнулась от страшной боли. Она обвила себя руками и часто, испуганно задышала, к ужасу Хавторы, ещё несколько минут не откликаясь на своё имя.

Закат в тот день был бархатно-золотой. Темнело — вязкие сумерки напозлали на леса и расставленные походные шатры, чернили небо, оттеняя пляшущие языки пламени. Медно-рыжие, как тугие косы, змеящиеся по могучим плечам Тойву, сидевшего рядом с Оркки Лисом, — одна ладонь лежала на колене, вторая поднесла чарку к губам. Оркки смеялся над какой-то шуткой и поглаживал остроконечную пшеничную бородку. Злой горячечный Скали, очень худой, с чёрными волосами и усами, с глазами как две пробоины, обнажал в ухмылке зубы и почти не притрагивался к еде. Гъял жевал травинку, Безмолвный — мясо. Вис и Корноухий играли в ножички.

Если подумать, то, отвернувшись, Лутый мог подробно рассказать, чем занимался каждый из дюжины воинов, собравшихся за их главным костром, подле предводителя. Лутый цепко высматривал даже тех, кто находился в его слепом пятне. Это получалось непроизвольно и невероятно быстро. Одно мгновение — и он уже всё охватил. Его единственный глаз был острее и внимательнее, чем пара здоровых у многих воинов.

Следующая шутка, развеселившая Оркки Лиса, принадлежала Лутому, расположившемуся по его правую руку. Оркки даже несильно потрепал его за ухо, а тот, склонив голову и рассмеявшись, положил в рот былинку.

— Острый язык у тебя, парень, ох острый.

Конечно.

— Уж куда ему до языка Скали? Так, — он вынул стебель, — былинка перед ножом.

Сухой черноглазый Скали, с волосами до середины шеи, вьющимися и сальными, скривил губы. Будто улыбнулся, жутко и страшно. Но Лутый только хохотнул, и на его правой щеке выступила ямка. Он может говорить всё что захочет, если решит, что другие сочтут это забавным. Кроме него, со Скали никто не водится, и тот, как бы ни

был суров, не решится потерять единственного приятеля. Говорили, что у Скали не слюна, а яд — до того он был вечно зол и всем недоволен. А Лутый... Лутый — любимец Оркки Лиса, хмель и мёд. Он весел и словоохотлив. Изжелта-русые волосы падали ему на лоб в россыпи мелких веснушек, лукаво поблёскивал правый карий глаз, а левый вместе с почти половиной лица закрывала широкая грубая повязка. Лутому было двадцать лет, но Оркки Лис уже ценил его за внимательность, остроумие и хитрость.

Когда Тойву вытирал усы тыльной стороной ладони, к их костру тихо подошла Совьон, воронья женщина. Она села на колени, оказавшись за правым плечом предводителя, а после того как мужчины удивлённо замолкли, произнесла зычно и невозмутимо:

— Мне нужно с тобой поговорить.

Тойву наморщил лоб:

— Так говори.

— Нет, — не дрогнув, обрубил Совьон. — Наедине.

Оркки Лис длинно выдохнул и тут же потянулся за чаркой.

— Смотрите-ка, к нам пришла подстилка, — прошипел Скали так, чтобы его слышал один Лутый, но в это же мгновение встрепенулся ворон Совьон. Скали недолюбливал всех людей, а особенно — женщин. Высокогорница Та Ёхо была для него «дикарской шлюхой», драконья невеста — «жирной мерзостью, где только отъелась», её рабыня Хавтора — «степняцкой каргой». Однако самую лютую ненависть он питал к Совьон. Для неё он ежедневно придумывал новые оскорбления.

Лутый закатил глаз.

— У меня нет секретов от моих людей, — возразил Тойву.

Совьон, не изменившись в лице, повторила не то просьбу, не то приказ, хотя уж приказывать она не имела никакого права.

— Боюсь, это слишком важно.

Да никого она не боялась. Ни богов, ни духов и уж тем более злого Скали. Взглядом, которым её одарил Тойву, можно было рубить щиты.

— Надеюсь, настолько важно, чтобы ты сумела объяснитьсь перед моими воинами, — жёстко вытолкнул он. Совьон не собиралась объясняться, но Тойву — предводитель, а она — подчинённая, и стержень у него внутри был не слабее её.

— Я прошу прощения. — Она склонила голову и сложила руки на груди. Тогда Тойву поставил чарку, поднялся и, поведя подбородком, сделал знак Совьон. Та послушно ушла с ним за шатёр.

— Ну дела, — протянул Оркки Лис и сплюнул на траву. Лутый, положив локоть на поднятое колено, задумчиво потёр большим пальцем уголок рта: он не любил, когда что-то от него ускользало. Позднее следует выяснить, о чём был разговор, — Оркки захочет знать. Обязательно захочет. Но пока...

Лутый прикрыл глаз и поправил зажатую зубами былинку.

Ночь наступила быстро. Люди укрылись в шатрах, погасив большие костры, — остались только факелы и огни для сторожевых. В воздухе повисли стрекот цикад и лошадиный храп. Этой ночью Лутый был в дозоре, но, как обычно, не смог долго высидеть у крохотного костерка. Он весело-терпеливо слушал, пока седой Крумр говорил о своей дочери Халетте, на которой мечтал его женить. Сам полущёпотом рассказал пару забавных историй, но, поняв, что тепло клонит его ко сну, вызвался осмотреть лагерь. Ноги увели Лутого от повозок, понесли вдоль шатра драконьей невесты и женщин, заставили обогнуть ряд маленьких палаток и привязанных коней. Все было мирно, и вскоре он оказался у густо поросшего склона, ведущего к реке. Спускаться Лутый не хотел — незачем, поэтому стоял по щиколотку в траве, вдыхая запахи тины и последнего клевера. За спиной потрескивали огни лагерь. Ветер шевелил пологи шатров. По веточкам хрустели знакомые шаги.

— Сегодня полнолуние, — сказал Скали. — Время оборотней.

И присел на землю подле него.

— Что ты здесь делаешь? — не поворачивая головы, спросил Лутый. Он сложил руки за поясницей. — Сегодня не твоя очередь.

В небе мерцала круглая луна. На неё напозлали дымчато-синие тучи.

— Отправляйся-ка спать.

— Знаешь, — продолжал Скали, — пока я шёл к тебе, я увидел, как в лес бежала лосиха. Шерсть у неё была коричневая, а копыта — будто посеребрённые.

— Да, конечно, — усмехнулся Лутый. — Для тебя каждая сова — девица, каждая лягушка — заколдованный парень. А конь Совьон и вовсе проклятый князь. Сказок про обратней переслушал?

Лутый хорошо видел в темноте и краем глаза разглядел, как Скали сжал губы. «По-твоему, я не знаю, зачем ты ко мне пришёл?»

— Славный у этой бабы конь, верно? — протянул Скали после молчания.

— Славный, — уклончиво ответил Лутый.

Скали, призадумавшись, вскинул голову и посмотрел на него снизу вверх.

— Наверное, она очень им дорожит.

— Наверное.

— Хороший конь, — кивнул Скали. — Быстрый, крепкий и даром что одноглазый. — Лутый приподнял бровь и даже повернулся к приятелю. — Это ему и простить можно.

— Можно и простить, — развеселился он в ответ, но Скали ничего не заметил. Он ещё с минуту сидел и смотрел в одну точку, сцепив тонкие, как у мертвеца, пальцы.

— Лутый, — вдруг зашептал он. — Лутый, укради его. Пожалуйста, укради его для меня. Я знаю, ты можешь.

Конь Совьон огромный, дикий и норовистый. Он не подпускал к себе никого, кроме своей хозяйки, и в Черногороде откусил конюху половину ладони. Пылающий чёрный глаз, отрезанные прежним хозяином губы, литые мышцы...

— Я знаю, ты сумеешь...

Он — сумеет.

— Разве тебе не хочется показать, насколько ты ловок и умен?

Сначала нужно навязаться к Совьон. Почаще ходить с ней возле её коня, чтобы животное запомнило запах. Потом следует давать мелкие сладости: сахар, яблоки. В первый раз оставить далеко на земле, потом — все ближе и ближе к его морде. Через несколько недель покормить с руки. Если удастся, умыкнуть одну из чёрных рубашек Совьон, хранивших её запах, — у неё достаточно широкие плечи, чтобы одежда подошла Лутому. Дальше — дело ловкости. Выйти из слепого пятна, крепко ухватиться за хребет...

Но пусть у Лутого только один глаз, видит он далеко.

— Дурак ты. — Лутый наклонился к Скали, уперев руки в колени. — Это сейчас всё спокойно. А чем ближе мы к Матерь-горе, тем будет страшнее. Ты просто хочешь взять и посеять раздор в лагере? У тебя что, мозги усохли?

Скали дёрнулся, будто от удара.

— Совьон тебе за коня глотку раздерёт — и будет права. — Про себя не сказал. Лутый всегда сможет выкрутиться, и воронья женщина его не достанет. — Утихомирь свою злобу. Потому что, если я почувствую, что ты что-то замышляешь — а я почувствую, — твоя голова полетит на землю раньше, чем ты успеешь моргнуть.

— С-скотина, — выплюнул Скали. Лутый медленно вытер влажную от его слюны щеку, ухмыльнулся и выпрямился.

— Иди-ка спать. Как ты там сказал? Полнолуние — время оборотней. До шатра дойдёшь или проводить?

Скали поднялся и стиснул кулаки. Хотел что-то ответить, но задохнулся от ненависти и пошёл прочь, качаясь, как пьяный. Худой, сухой, горячечный...

Лутый вновь посмотрел на реку и взъерошил волосы.

Перед походом Тойву объезжал караван, идущий к Матерь-горе, и вместе с ним была Совьон. Она сидела на своём огромном коне, по-хозяйски придерживая поводья одной рукой, и смотрела на воинов пронзительно-чистым, спокойным взглядом. Позже парни из каравана шипели, по-

чему это баба разглядывала их, как торговец — жеребцов на рынке.

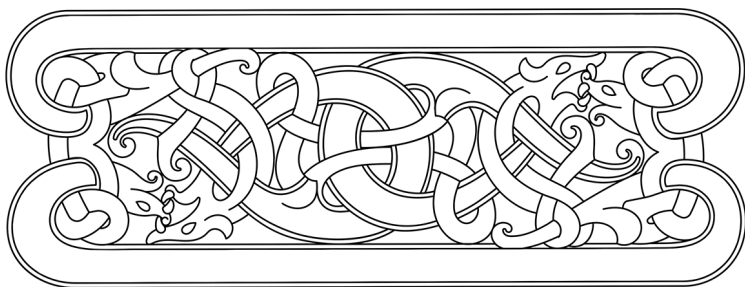
Когда Совьон проезжала мимо Лутого — тот был готов поклясться, — она чуть прищурилась. «Прихвостень Орчки Лиса». Затем Совьон заметила Скали, и её и вовсе передёрнуло. Её невозмутимое, резко скривившееся лицо — словно безупречный лёд, по которому пробежала чудовищно заметная трещина.

— Зачем ты взял его? — как всегда, звучно спросила Совьон у Тойву. Воины из каравана обескураженно затихли. — Он и до зимы не доживёт.

С тех пор Скали потерял покой. Воронья женщина уязвила его — страшно, прилюдно. И он измывался, из кожи вон лез, чтобы ужалить её в ответ. «Эх, Скали-Скали», — вздохнул Лутый, смотря на чёрную реку.

До зимы оставалось меньше трёх месяцев.

Зов крови II

Мир тогда был гораздо моложе, чем сейчас. Княжеские дети играли в саду, усыпанном, будто снегом, белыми венчиками тысячелистника. С неба лился свет — жёлтый с красноватой примесью. Смятые лепестки падали на землю, и хрустели корни кустов. Рагне, издав поживотному яростный клич, замахнулся деревянным мечом.

Осенью ему исполнилось семь, и он уже был заносчив, драчлив и горд. Не было мальчишки, которого Рагне не захотел бы вызвать на бой. Он не мог пропустить ни одну острозубую кошку, вздумавшую шипеть ему в узкое, сплошь в синяках лицо. Его выглядывающие из-под рубахи плечи и живот, колени и локти были в вечных ссадинах и кровоподтёках, но налившийся синяк на челюсти Рагне носил с особым достоинством. Этот — от Хьялмы.

Хьялме было четырнадцать, и он не вёлся на заискивающие речи. Младших братьев и пальцем не трогал — *обычно*. Но когда Рагне решил высмеять Ингола, самого младшего, которому едва исполнилось пять, то Хьялма отвесил ему оплеуху: чтобы неповадно было. Ингол был белокурый, с пустыми чисто-голубыми глазами. Он всегда глуповато улыбался, глядел на тысячелистники в саду и до сих пор плохо ходил. Не умел разговаривать — издавал только малопонятные звуки, но тянулся ко всему миру. Блаженный. Юродивый. Дурачок.

Сармат тоже смеялся над Инголом и даже как-то подсунул ему раскалённый, украденный у нянек напёрсток. Ингол обжётся и долго плакал, но Сармату было девять, и ему всегда хватало хитрости не попадаться ни Хьялме, ни отцу.

Их отец всегда говорил, что Сармата нужно нещадно пороть. Но мать — мать безумно его любила. И когда Сармат пришёл к ней с повинной, уткнулся в её колени, а потом и расцеловал обожжённый палец Ингола, княгиня помогла ему избежать наказания — она знала, как смягчить суровый нрав мужа. И делала это каждый раз.

Поэтому Рагне ненавидел Сармата. Сдунув со лба тёмную, выскочившую из косы прядь, мальчик поднял деревянный меч.

— Выр-родок, — зашипел он. Сам — как рассерженная кошка. — Да чтоб тебя змеи жрали!

Рагне сделал выпад мечом, но тот лишь едва задел Сармата у ключицы. Сармат же вывернулся и чуть не сбил его ногой. Рыжие волосы упали ему на лицо, рассыпались по плечам.

Ярхо — одиннадцать. Подбородок у него был почти такой же, как у Рагне, только шире — отцовский. Стянутые в косицу светло-каштановые волосы, раздавленные плечи, сильные руки: одной он держал Рагне за грудки, второй — Сармата за шкуру.

— Самого тебя сожрут! — рявкнул Сармат, и Ярхо ошутимо потрянул их обоих. Скоро и Рагне, и Сармат возмужают, но никогда не перегонят его ни в силе, ни в росте и ширине плеч.

Хмурое, тяжёлое лицо Ярхо выдавало только одно желание: столкнуть братьев головами, а потом забросить в кусты.

— Плешивая крыса! — Кончик деревянного меча мазнул Сармата по щеке.

— Свинья! — Пятка ударила Рагне в колено.

— Подзаборная девка!

— Слабак!

— Крыса!

- Выродок!
- Трус, дай только до тебя добраться!..
- Что же вы опять творите?

Их светлая княгиня-мать шла по садовой дорожке. Подле неё были две служанки, наполовину скрытые от княжичей круглыми кустами.

— Матушка! — Ярхо вскинул голову, и Сармат, улучив момент, дёрнулся и упал на землю. Он утёр рукавом рот, разбитый Рагне ещё до того, как их растащили. Сармат знал, что матери тяжело видеть его кровь. Он снова выдохнул: — Матушка...

Княгиня Ингерда нахмурила рыжие брови. Её голова была обёрнута белым платком, завязанным за шеей. От богатого венца вниз стекали цепи-рясны.

— Что они творят, Ярхо? — спросила княгиня, глядя в почти юношеское лицо сына. — Из-за чего они дерутся?

— Я не знаю, — признался тот и, потупив глаза, выпустил Рагне. Мальчик сполз на траву, вытирая распухший нос, а Сармат уже вскочил на ноги и бросился к матери.

— Знала бы ты, что он сказал, — буркнул Рагне, подбирая меч.

А княгиня Ингерда запустила пальцы в рыжие-рыжие, как и у неё самой, волосы Сармата.

— Уверена, вы оба наговорили друг другу обидного, — сказала она и оттянула Сармата за прядь на макушке, вынуждая поднять лицо. — Извинись перед Рагне.

На губах Сармата мелькнула тень улыбки. Он кивнул и покорно обернулся.

— Прости меня, Рагне!

— А теперь ты.

Но Рагне молчал.

— Ну же. — Княгиня снова нахмурилась. Её тонкая белая рука — на пальцах блестели кольца — лежала на взлохмаченной голове Сармата.

— Не буду, — желчно ответил Рагне, метнув на застывшего Ярхо умоляющий взгляд. Сармат неодобрительно зацокал языком.

— Ты плохо поступаешь, Рагне. — Ингерда обняла Сармата за плечи. — Сейчас же возьми и...

— Сармат сказал, что Хьялма скоро умрёт. Что Хьялма умрёт, а он станет князем вместо него, — выпалил Рагне, багровея до кончиков ушей.

У Хьялмы только усы начали расти, а он уже давно носил с собой платок — по белой ткани расплзались красные разводы. Хьялма кашлял кровью, и лекари говорили, что он выплёвывает кусочки своих лёгких. Рагне восхищался Хьялмой — несмотря на то, что и его пытался вызвать на бой, — и трясся от ярости при виде его лекарей. Каждый вечер они сжигали окровавленные платки Хьялмы и каждый вечер говорили, что старшему княжичу осталось не больше года.

Княгиня Ингерда убрала руку с плеча Сармата.

— Это правда? — сухо спросила она.

— Не совсем, — ответил Сармат и стрельнул глазами в Рагне. — Я сказал, что, если случится такое горе, мне *придётся* стать князем и...

— Врёшь! — крикнул Рагне. Он помнил, как смеялся Сармат и что обещал сделать с братьями, едва его благословят на княжение. Но знал, что в итоге мать поверит не ему, и от этого задохнулся от гнева.

Даже если Хьялма умрёт, второй после него — Ярхо. Рагне видел, как тот поднял тяжёлый колючий взгляд. Если бы Сармат не стоял рядом с матерью, Ярхо бы его ударил, и тогда от Сармата мало бы что осталось.

— Вот, матушка, — быстро улыбнулся Сармат, пригладив волосы. Он даже носил их так, как Хьялма, — распущенными, длиной по плечи, только одну прядь у виска заплетал в косицу. Перехватив взгляд Ярхо, мальчик отпрыгнул на полшага назад. — Видишь, матушка: я не сделал ничего дурного.

Но княгиня Ингерда уже слушала через слово. Она вновь повернула Сармата к себе лицом и взяла его пальцами за подбородок. И долго смотрела в безмятежно-весёлые глаза, словно пытаясь взглянуть в глубину за ними.

Рагне раскрыл рот, как выброшенная на берег рыба. Ему не давались слова. Сделал Сармат дурное, ещё как сде-

ла! Показал, что хочет смерти Хьялмы. Что хочет переступить через Ярхо, не дать жизни Рагне...

— Никогда больше не говори об этом, — тихо произнесла Ингерда, и было в её словах ещё что-то кроме нежелания слушать о кончине Хьялмы. Что-то, заставившее Ярхо и на неё поднять свинцовый взгляд.

— Хорошо, матушка, — согласился Сармат. И с тех пор он действительно не говорил о своих намерениях. Только однажды запустил ход событий, завершившихся через одиннадцать лет ослеплением Ингола и взятием Криницких ворот. И поединком Сармата с Хьялмой, сумевшим пережить и этот год, и следующий: болезнь в нем будто заснула, а потом — потом пробудилась с новой силой.

— У меня пятеро сыновей, — продолжала княгиня Ингерда, не выпуская подбородка Сармата. — Нужно ли мне бояться, что вы причините друг другу зло?

Сармат всегда смотрел на мать с несвойственной ему нежностью.

— Вовсе нет, — звонко ответил он. — Тебе не нужно бояться.

И тогда он, конечно, солгал.

Малика Горбовна, гуратская княжна и драконья невеста, лежала на полу в длинном тереме. И терем пылал. По его стенам развернулись огненные полотнища, а потолок затянул горький дым. Малике казалось, что она даже ощущала жар, но не могла сдвинуться с места. Только лежала, видя меж танцующих языков падение Гурат-града. Вот горящие красно-золотые купола и плавающие каменные стены. Её отец-князь, высокий и черноволосый, с золотым венцом на челе: он сражался с Ярхо-предателем, но не смог его одолеть.

Малика различала мечи и стрелы, девок с подожжёнными юбками, мужчин с раскрытыми горлами, и в её ушах стоял мучительный крик.

Она должна была погибнуть там. Вместе с отцом и своим древним городом. Но в который раз проснулась в чертоге, выложенном ослепительным лалом — дребезжаще-красным, похожим на застывшее в минерале пламя. На Малику смотрели безглазые лица, вырезанные из алой породы. Сотни масок, поднимающихся к верхним сводам, — в лаловом чертоге были искажённые яростью гримасы, но ни одного каменного воина.

Прежде чем Малика зажала себе рот ладонью, из груди вырвался всхлип.

Попав в Матерь-гору, она не позволяла себе плакать, даже не разрешала вспоминать пережитое. Княжна хотела разгневать и разбудить каменных воинов, пройти лабиринты палат, найти прислужников Сармата — все что угодно, лишь бы не думать о Гурате и об отце. Именно в таком порядке. Сначала Гурат-град, потом — отец, а отца Малика любила больше всех людей. Её гордый город неизмерим с человеческой жизнью. Малика была готова умереть множество раз — одна смерть страшнее другой, — но сохранить его. А если придётся, и принести в жертву других.

Княжна поднялась с пола, подобрав юбки. Она с раздражением заметила, что глаза влажны от слёз, и тут же вытерла их ладонью. Перекинула за плечо полурасплетённую косу и выпрямила спину. Малика увидела, что под самым страшным лицом появилась дверца — обычно так Матерь-гора выводила её в палаты, где стояли еда, сундуки с одеждой и бочка с водой. Но иногда всё появлялось в чертоге, где Малика спала, и ей по-прежнему не удавалось выяснить, кто это приносил.

Малика подошла к дверце, держась на расстоянии от стен — будто боялась обжечься. Она оказалась в комнате, показавшейся после ослепительных залов серой и тусклой, но на деле вытесанной из голубоватого апатита. И здесь, помимо звука собственных шагов, Малика услышала плач.

На бледно-зелёном со стеклянным блеском полу сидела девушка — чертог был небольшой, и Малика сразу её разглядела. Перед ней лежал ковш и стоял распахнутый

сундук, из которого тянулись дорогие платья, нити жемчугов и драгоценных камней. Сама же девушка была одета в холстину. На пол рядом с ней стекала её сказочно длинная светлая коса.

— Ты кто такая? — властно сказала Малика. Девушка испуганно вздрогнула и повернула к ней заплаканное и не слишком красивое лицо — громоздкий подбородок, рас­тёкшиеся веснушки и опухшие серо-зелёные глаза.

Пока она пыталась связать слова, Малика разглядела, что холстина на её животе была перечерчена кровавой лентой — Сармат поцарапал, но, похоже, не слишком сильно. Крестьянские руки девушки уродовали следы от веревок. Когда Малика только попала в Матерь-гору, на ней было много ожогов. Мелкие подпалины, кажущиеся смешными по сравнению с тем, что дракон сотворил с Гуратом. От них сейчас почти ничего не осталось.

— Кригга, — выдавила девушка. Вздрогнули её короткие бесцветные ресницы.

Стук каблучков Малики эхом разнёсся по чертогу. Раздался скрип — Матерь-гора захлопнула открытую дверь.

— Значит, Кригга, — протянула княжна, подходя к девушке. На дверь она не обратила внимания — привыкла. — И откуда ты?

На коленях Кригги лежали расшитый перламутром венец и частично вытасщенные из сундука одежды, к которым она и не мечтала прикоснуться. Малика хмыкнула: из всего, что предлагали ей самой, она взяла только платье, киноварно-красное с жёлтым — цвет Гурата. И брошь-сокола — символ рода. Но она не девочка в холстине и привыкла к богатству.

Кригга задержалась взглядом на броши. Потом посмотрела на лицо Малики — медовые волосы, чёрные брови, породистый нос.

— Из Вошты, — испуганно ответила она. И тут же добавила: — Это деревня недалеко от Гурат-гра...

— Знаю, — обрублила Малика, продолжая смотреть на девушку, сидевшую у её ног. Кригга передёрнула плечами. — И как же ты здесь оказалась? Тебя украл Сармат?

Когда княжна произнесла это имя, Кригга сглотнула.

— Меня отдала моя деревня.

Малика недобро сощурила глаза и чуть наклонила голову набок.

— Как это — отдала?

— В дань.

Княжна криво, нехорошо улыбнулась.

— Отдала, — повторила она, словно пробуя это слово на вкус. — Отдала в дань. — Малика медленно наклонилась, будто змея под музыку дудки. — Стоило отвернуться, и вы, черви, к нему на поклон пошли?

От презрения, сквозившего в её голосе, Кригга отшатнулась.

— Кто ты такая? — нахмурилась она наконец. — Назови себя.

Брошь в форме сокола, горбатый нос...

— Никакой гордости в этих людях. Никакой злобы. — Малика словно не расслышала и ещё сильнее сузила глаза. — Поэтому вы и умрёте как падаля. Или уже умерли? Скажи мне, Кригга из Вошты, Сармат оценил ваши дары?

— Я... я не знаю. — Последним, что видела Кригга, был дым над родной деревней. Но ведь Сармат унёс её в гору — значит ли это, что он принял дань? — Но не тебе нас упрекать. — Её голос стал твёрже, а Малика усмехнулась. — Ты из Гурат-града?

— Да.

— И чья ты дочь? Купеческая? Дворянская?

— Княжеская.

Кригга шумно выдохнула. Её пальцы задрожали.

— Да вы мне, псы, ноги целовать должны, — мягко произнесла Малика, — а ты говоришь, что я не могу вас упрекать.

На опухших щеках Кригги выступили пятна.

— Вы обещали защищать нас, но не сумели спасти даже себя. — Она сжала расшитый венец. — У вас были каменные стены и дружина, но вы всё равно сгорели. Как ты можешь требовать что-то от маленькой деревни там, где пал Гурат?

На мгновение Кригге показалось, что Малика её ударит. Но вместо этого княжна выпрямилась — и горланно расхохоталась.

— Дважды умирать не придётся, Кригга из Вошты. Можно погибнуть страшной смертью, но героем. А можно ползать на коленях в надежде вымолить ещё несколько лет. Каково это — пресмыкаться перед Сарматом? — Она прикрыла глаза. — Зачем же вас защищать? Сегодня — дракон, завтра — тукерские ханы. Вы всё равно предадите и будете трястись за свои шкуры.

Тут не выдержала даже спокойная пугливая Кригга.

— Нет для вас никакого «завтра», — шёпотом произнесла она. — Гурат-град сожжён. Его жители мертвы. Всё кончено.

Стоило ли оно того, Малика Горбовна?

В чертоге повисла леденящая густая тишина. Кригга почувствовала, как покрывается гусиной кожей. Красивая молодая женщина смотрела на неё страшными чёрными глазами.

— Нет, — отчеканила она. — Не кончено. Сколько лет твоему дракону? Тысяча? Гурат-граду больше двух тысяч лет, и за это время он не преклонялся ни перед кем. Он несколько раз был сожжён. В нём пировали ханы. Над ним поднимались алые стяги князей. Мы убивали царей Пустоши, разбойников, степных людоедок — убьём и крылатую тварь. Когда мой брат вернётся из изгнания, он...

Горные недра содрогнулись. От чудовищного подземного толчка задрожали стены, и Малика не удержалась на ногах. Она упала на пол, а жемчуга посыпались с коленей Кригги.

— Замолчи! — закричала Кригга и, отшвырнув венец, закрыла голову руками.

Апатитовые плиты продолжали трепетать. Волосы Малики окончательно расплелись и накрыли её лицо душной волной. Княжна случайно прокусила язык и почувствовала, как рот наполнился кровью. Кригга же билась словно в припадке: ждала что гора обрушится на них.